

Август 1926 г<ода>.

1. Прибывающие в Соловецкий концлагерь заключенные не сразу подвергаются медицинскому осмотру (иной раз через 2-3 недели) на предмет определения степени их пригодности к работе. В результате больные, иногда инвалиды должны тяжело физически работать наравне со здоровыми, что, понятно, окончательно подрывает их здоровье.

2. Отношение руководителей работ — десятников, старших рабочих на так называемых общих работах, кирпичном заводе, торфяных разработках и лесозаготовке, в большинстве случаев очень скверное: матерная брань на каждом шагу, подчас тычки и толчки, а вместе с тем во многих случаях покровительство своим друзьям за счет работ других заключенных.

3. В ротах общих (11, 12, 13, 14) отношение взводных командиров, хотя и не всех, к заключенным самое отвратительное. Опять-таки сплошная ругань, иной раз издевательство, параллельно с этим покровительство более имущим за надлежащее вознаграждение вещами, деньгами или съестными припасами, предоставляющее им в роте лучшие места для спанья, избавление от тяжелых физических работ через устройство уборщиками и т<ому> п<одобное>.

Особенно отличаются в смысле рукоприкладства некий Аладжи или Аладжия, точно фамилии не помню, командир взвода в 14 роте. Любимый его прием это, после того как все улягутся спать, взять обреченного в ротную канцелярию и там с ним “беседовать”, угрожая убить его насмерть, если будет поднимать крик. В последних числах февраля или начале марта, точно не помню, я зашел в ротн<ую> канц<елярию> 14 роты, ок<оло> 12 час<ов> ночи по поводу неправильного перевода меня в эту роту. В канцелярии застал ротного писаря и командира взвода Аладжия, перед которым стоял заключенный, немец Венцель, в одном белье, дрожа всем телом. Увидев меня, Аладжия пришел в замешательство, но так как я сделал вид, что меня ничто не поразило, что как будто бы все считаю нормальным, оправился от смущения и тут же отпустил Венцеля, сказав, что тот должен благодарить бога за то, что зашел посторонний. На мой вопрос, за что хотел расправиться с Венцелем, Аладжия ответил, что тот толкнул днем дневального роты. Этот случай подтолкнул меня на мысль разузнать, что вообще творится в ротах, и действительность на кошмар похожа не только в 14, а и в 11, 12, 13, отчасти и в других, за исключением 6, 9 и 10 свободной роты.

4. Паек, выдаваемый заключенным, сам по себе недостаточный для работающего человека, уменьшается еще и при распределении в самой роте. Часть хлеба, а в особенности сахара и молока забирается опять-таки командирами взводов, уборщиками, дневальными. Должен оговориться, что положение это существует исключительно в общих ротах.

5. Сплошь и рядом имеют место случаи, когда после выполнения заданного урока заставляют работать под тем или иным предлогом сверхурочно. Практикуется, что если определенный урок выполнен сравнительно рано, на другой и последующий дни урок набавляется, пока заключенный не доходит до полного изнеможения. Пример: выгрузка баланов с моря сперва по 6, потом по 7 и т<ак> д<алее>, пока не дошло до 10 шт<ук> на человека, что в среднем выполняется в течение 10-12 час<ов>; подноска и нагрузка дров в вагоны с 2 человек на вагон до 1-го человека на вагон. Переноска кирпичей с 350 шт<ук> до 650 и чуть ли не до 800 на человека и т<ому> п<одобное>.

6. Система ударников, вызываемая не необходимостью, а нецелесообразным и не экономным распределением рабочей силы лагерей, убийственно действует морально и физически на заключенных.

7. На лесозаготовит*ельных* работах следует остановиться подольше. Все вышеуказанное пустяки в сравнении с положением, существующим тут: учитывая материальные условия жизни заключенного, помещение, пищу, одежду, Соловецкий климат зимой, территорию, где лес и дрова заготавливаются, качество леса, густоту распределения леса, качество инструмента, которым приходится работать, — приходишь к выводу, что для среднего рабочего задаваемый урок, как бы он не казался малым в других условиях, — велик. Вначале его выполняют в течение 9-10 час*ов*, затем наступает постепенное истощение; для выполнения урока нужно уже 12-14 час*ов*, нередко случаи, когда заключенные, более слабые, работают всю ночь и утром опять на работу, опять новый урок. Не выполнившему грозит или лишение обедом, или же вместе с этим побои и издевательство надзора, состоящего из заключенных, бывших агентов ГПУ и ЧК. Заставляют, напр*имер*, пришедшего с работы и не выполнившего урок, снять обувь и гонят его босиком ночью подчас полторы-две версты для окончания работы. О самой скверной ругани, угрозах убить и т*ому* п*одобне* и говорить не приходится. Приблизительно такое же положение, по словам заключенных, и в заготовках Северо-Леса в Кеми. Характерно, что за время моего пребывания в Соловках не только не видел, но даже не слышал, чтобы какой-либо красноармеец ударил заключенного (кажется, был один случай на Конд-острове). Были случаи, когда красноармейцы вставали на защиту заключенных от несправедливых и незаконных притязаний надзора.

Следствием существующего в лесозаготовках положения является то, что многие заключенные, видя, что в лесозаготовках рано или поздно им придется погибнуть, пускаются на самые отчаянные средства, лишь бы только избавиться от этой работы: рубят пальцы на руках и ногах, пьют битое стекло, отмораживают нарочно руки и ноги. Сколько их из-за этого погибло, сколько осталось калеками.

В Кеми в числе многих других я встретил Иосифа Ржимского, над которым надзиратель издевался, заставил его разуться, раздеться и в одном белье посадил на пенек. Ржимский, опасаясь, что надзиратель его пристрелит, сидел до тех пор, пока не свалился. В результате отморозил руки и ноги. Таких и еще более преступных случаев масса.

Высшая администрация в лице нач*альников* лагерей принимала меры для прекращения подобных жестокостей и безобразий, но благодаря с одной стороны запуганности заключенных, оторванности их на лесозаготовках от непосредственного наблюдения высшей администрации, с другой, благодаря спайке и круговой защите надзора из бывших агентов ГПУ, почти все безобразия остаются не наказанными и продолжают. Мне лично в Соловках после отбытия 2-х мес*яцев* трудового стажа жилось сравнительно легко и, если сообщаю Вам вышеизложенное, то не в целях какой-либо мести, а просто хотелось бы через вас помочь хоть сколько-нибудь.

Культурно-просветит*ельская* работа хотя и ведется, плодами ее пользуются, главным образом, более обеспеченные элементы лагеря. Правда, на спектакли, киносеансы и т*ому* п*одобное* выдается часть билетов бесплатно, но это капля в море. Бывают совершенно бесплатные лекции, но опять вследствие материальных условий (12-14 час*ов* работы) идет на лекции очень мало»¹.

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1703. С. 59. Машинопись.